

Борис Сорокин

ПОЕЗД БЕЗ ОГНЕЙ

Раздвигается плоский занавес из дешевой красной материи.

В полной темноте тлеют огоньки папирос, слышится, время от времени, чирканье спичек, звуки поцелуев и гнусное хихиканье. Все это — под монотонный и постепенно нарастающий шум, то ли ненастного дождя, то ли подходящего поезда.

А когда шум этот перерастает в оглушительный грохот, то, вместе с пронзительным воплем поездной сирены, раздается бабий истошный голос, словно соперничающий и с тем, и с другим:

— Ну, говна<?> бери, что ли, хоть одну кружку на всех!

Смущенные смешки в ответ. Вспыхивает неожиданный, ослепляющий свет.

Крошечный зал ожидания богом забытой станции. Громоздкие деревянные кресла из казенного арсенала, пустой книжный прилавок сдвинутый с своего обычного места, дверь с табличкой «Милиция», другая дверь — входная; в углу буфет, клочок бумаги с надписью от руки «Свежее пиво», буфетчица — широколицая женщина лет под сорок.

У единственного темного ночного окна девушка и чернокожий замерли в поцелуе. Здесь их внешность, одежда, даже чемоданы, стоящие рядом, на полу, производят впечатление какой-то nepзoвoлитeльнoй роскоши. На подоконнике две нетронутые кружки пива.

Подростки в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет, тесно сбившиеся в кучу у буфета, не отрываясь тарашатся на целующихся, курят и бессмысленно хихикают.

Буфетчица (*уже гораздо тише*):

— Так берите, говорю, хоть одну на всех!

Те мнутя, переглядываясь смущенно, прыскают в кулаки.

В дверях показывается голова электрика. Кричит так, словно все забито галдящей толпой:

— Все, кажись, горят?! Снова погашу через полчаса!

Исчезает. Двое у окна, при этом, испуганно отпрянули друг от друга, рассмеялись и, подняв кружки, чокнулись.

В это время частыми нервными шажками входит лилипут с толстым портфелем. Заметив стоящих у буфета, останавливается. Резкой фистулой:

— Что это значит?! Мои ученицы курят? Мои ученицы в штанах, почти ночью таскаются с кавалерами по вокзалам, курят! Сию же минуту по домам! Ваши родители будут, наверное, без ума от счастья, когда я расскажу им, как вы проводите время. Марш по домам, молокососы!

Медленно потянулись от буфета к дверям. Проходя мимо пары у окна держатся особенно независимо: сплевывают на пол и т.д. Последний в дверях громко свистит.

Лилипут: — Пожалуйста, двенадцать кружек.

Буфетчица (*недоверчиво*): — Дюжину, то ись?

Лилипут: — Да, дюжину, если хотите.

Буфетчица: — Один будешь пить?

Лилипут (*раздраженно*): — Прошу вас выполнять свои обязанности!

Буфетчица как-то неуверенно цедит одну кружку, затем другую, третью. Лилипут жадно пьет, при этом судорожно ходит его острый кадык, и кружка в его руке кажется огромной.

Буфетчица, продолжая цедить, негромко рассуждает, как бы сама с собой:

— Точно дюжина! И всю прорву в такого махонького. Ведь пучить сердешного начнет.

Лилипут (*поперхнувшись*): — Вы что-то сказали?

Буфетчица (*смущенно*): — Да вот люди говорят, что если очень уж много пива выпить, так лопнет кишка. Может и врут.

Лилипут (*после паузы*): — Жалобную книгу!

Буфетчица: — Что ты, миленький, нет у меня никакой книги.

Лилипут: — Жалобную книгу! Сию же минуту!

Буфетчица: — Да нет, говорю тебе, никакой книги!

Лилипут: — Вы будете иметь дело со своим непосредственным начальством! Я позабочусь об этом!

Быстро выходит.

Буфетчица: — А деньги как же? Деньги-то!

Выбегает вслед за ним.

Двое снова хохочут, снова поднимают кружки. Издалека слышится шум приближающегося поезда.

У окна оживленная жестикуляция. Чернокожий торопливо выходит.

Девушка остается одна, стоя лицом к темному окну. На полу чемоданы. На подоконнике две нетронутые кружки.

Бесшумно входит женщина с ребенком, закутанном в черный платок на руках и садится в дальнем углу против книжного прилавка.

Некоторое время тишина не нарушается ничем, кроме усыпляющее однообразных звуков проходящего состава.

Входит буфетчица, пересчитывая деньги:

— Снова темный, без огней. Товарный значит. У нас одни они только и ходят. Пассажирских не бывает почти (Вздыхая) Потому и народу никогда нет. И пиво вот не берут. На больших-то станциях, люди говорят, не найти пива. Может и врут. (*После выжидательной паузы:*) А что я хочу спросить у тебя, милая... (выждав еще немного) Слышь, спросить у тебя хочу чего...

Ей не отвечают. Последние звуки поезда постепенно замирают вдали и сменяются полной тишиной. Играя что-то шумное, беспорядочное и однообразное, вваливается пьяный гармонист.

Буфетчица (*громко*): — Давай, давай сюда! Милости просим!

Тот, продолжая играть, направляется прямо к книжному прилавку, останавливается возле и колотит в него ногой.

Гармонист: — Немой! Слышь, немой! Вставай! Вставай, немой! Вместе пить будем! Не хочешь? Ну и черт с тобой!

Подходит к женщине с ребенком: — Пляши! Пляши говорят тебе! Ну, пляши! (Сам начинает приплясывать).

Буфетчица: — Да оставь ты ее! Иди лучше пива выпей!

Не переставая играть и приплясывать на ходу, гармонист идет к буфету, останавливается прямо перед ним и молча играет.

Буфетчица: — Так нацедить кружку, что ли?

Гармонист продолжает молча играть.

— Спрашиваю, пиво-то будешь пить?!

Ничего не меняется.

— Не онемел ли ты часом?

Тот играет все так же молча.

Из дверей с табличкой «Милиция» неторопливо выходит милиционер. По мере его приближения к буфету, гармонист, играя и приплясывая, медленно пятится к выходным дверям и, наконец, исчезает.

Милиционер (*подмигивая*): — Много наторговала?

Буфетчица (*махнув рукой*): — Сам знаешь, какая у меня торговля. Свою всегдашнюю пить будешь?

Милиционер: — Небось, моя-то, мимо меня не пройдет. Наливай.

Буфетчица, наливая, приговаривает:

— Пей, пей, кормилец ты мой единственный.

Милиционер пьет очень обстоятельно, не торопясь. Кивнув в сторону книжного прилавка:

— Все лежит?

Буфетчица: — Лежит, лежит. И баба его сюда же пришла. Прямо с грудным, дома оставить, видно, не на кого. Бережет с получкой. Да и правильно: обчистят пьяного, после клади зубы на полку.

Милиционер: — Не мне теперь с ним возиться. Смена моя кончается. Взял тоже моду, как напьется, на вокзале ночевать, словно бездомный. А так вроде бы тихий, не нашумит никогда. Не замечалось за ним такого.

Буфетчица: — Немой, что ж с него. Да и все они у него пришибленные. И баба вот словно говорить с ним разучилась, и ребенок, будто мертвый, не закричит ни разу.

Милиционер: — Спокойный — это хорошо (*зевает*). Спать пора, на покой. Получи-ка с меня.

Буфетчица (*принимая деньги*): — Приходи уж и завтра, за своей-то.

Милиционер: — Да как всегда.

Буфетчица: — Побегу, пожалуй, и я. Все равно твоя кружка всегда последняя.

Уходит сначала милиционер, затем и буфетчица.

В зале остаются только девушка, стоящая лицом к ночному окну и женщина с ребенком в дальнем углу.

До сих пор ни та, ни другая совсем не меняли своей позы.

Мертвая тишина нарушается порой лишь равномерными тактами очередного товарняка. Есть в них что-то от ненастья, от глубокой осени.

Девушка закуривает.

Входит мальчик. Беленький, очень опрятный, четырнадцати или даже пятнадцати лет. Застывает в дверях, глядя на девушку с откровенным, наивным восхищением.

Девушка (*заметив его*): — Что тебе нужно, мальчик?

Мальчик (*делая шаг вперед*): — Валентина Николаевна! Ведь это вы, Валентина Николаевна? Я вас не узнал сначала. Вы стали теперь такой... такой красивой! Нарядной! Я никогда раньше не видел таких красивых... людей... девушек...

Девушка (*улыбнувшись*): — Ты меня знаешь? Подойди ко мне. Ну смелее! (*Мальчик робко подходит*). Откуда же ты меня знаешь?

Мальчик: — Но разве вы не помните, Валентина Николаевна! Вы же были нашей пионервожатой. Еще совсем девчонкой. У нас некоторые казались даже старше вас. И поэтому вас не боялись и не слушались. Вам писали всякие гадкие записки и часто доводили до слез. Помните, Валентина Николаевна, помните, как однажды ребята сорвали сбор? Кроме меня никто не пришел, и мне здорово тогда от них досталось. Помните, как после этого вы случайно встретили меня на улице, привели к себе домой, перевязали и напоили чаем, неужели не помните?

Девушка: — Нет, не помню. Ну, и... часто тебе так попадает?

Мальчик: — Вообще-то раньше меня часто колотили. Считали маменькиным сынком и еще, наверное, потому что я очень трусил. Но теперь Валентина Николаевна, теперь никто меня пальцем тронуть не посмеет! Никогда! Ведь я избил сегодня Фиксатого! Самого Фиксатого, Валентина Николаевна! Он у них заправила. Они боятся и ненавидят его. Я сегодня понял, что ненавидят. Поэтому, наверное, и не заступились — рады были его позору. Ведь никто даже подумать не мог, чтобы я, я, смог избить Фиксатого! Да и сам бы я к Фиксатому не полез, но он ударил ее, Валентина Николаевна! *(Не замечает, что уже держит ее за руки)*. Она не пришла на его день рождения. Все пришли, а она — нет. Потому что у него всегда ругаются, курят и пьют водку. И он ударил ее. Ногой в живот, Валентина Николаевна!

Девушка *(отнимая руки)*: — Кого ее?

Мальчик *(чуть покраснев и опустив голову)*: — Одну девочку. Вы не знаете.

Девушка: — И ты ее, конечно, ждешь. У тебя здесь свидание, не так ли?

(Мальчик молчит, низко опустив голову)

— Кажется, я, все-таки, что-то начинаю припоминать. Но как повзрослел! Ты уже, разумеется, куришь?

Мальчик *(поднимая голову)*: — Нет, Валентина Николаевна, я не курю!

Девушка *(изумленно)*: — Как! И ни разу не пробовал?

Мальчик: — Ни разу, Валентина Николаевна.

Девушка: — Это уж просто безобразие. Ну-ка, затынись поглубже! Смелее!

(Мальчик затягивается и долго не может прокашляться).

Девушка *(смеется)*: — В первый раз так со всеми бывает. Попробуй еще раз. *(Мальчик закуривает)*. Вот теперь совсем мужчина!

Мальчик *(уже совершенно освоившись)*: — Вы остаетесь здесь, у нас?

Девушка: — Я? Здесь? *(Смеется)*. Ну нет! Послушай, приходилось ли тебе бывать в шумном большом городе? Театры, рестораны... *(смеется)* Да что я говорю! Он ведь, наверное, даже пива ни разу не пробовал!

Мальчик (*смущенно*): — Нет, пиво я пил один раз. Но оно мне не понравилось — очень горькое.

Девушка: — Горькое? Что за ерунда! Держи кружку. Выпьем за мой счастливый отъезд, за мой скорый поезд.

Чокаются. В это время появляется чернокожий, пытается знаками что-то объяснить девушке. Машет в сторону выходной двери и отрицательно качает головой, жестом руки обводит зал ожидания.

Девушка (*испуганно*): — Я здесь? Здесь на целые сутки? На целую ночь? Да ты понимаешь, что это вечность?! Я не хочу, слышишь! Никогда! Никогда этого не будет!

Топает ногой и разрыдавшись, роняет голову на руки. Вдруг, бросается к чернокожему:

— Скорее! Иди узнай, может быть подойдет еще какой-нибудь поезд. Я умоляю тебя. Скорее! Иди, ну иди же!

Почти выгаликивает его и припадает к окну.

С тоской в голосе:

— Боже мой! Никогда, словно никогда не будет конца этому безликому товарному поезду без огней. Просто гроб на колесах! (*Зябко кутает плечи в дорогой шарф*). Как здесь плохо топят... Что тебе нужно, мальчик?

Мальчик: — Валентина Николаевна! Вы не останетесь здесь. Вы будете ночевать у нас дома. Мы с мамой одни. У нас хорошо топят!

Внезапно падает к ее ногам. Грохот поезда. Быстро входит Чернокожий, девушка бросается к нему. Гаснет свет. В темноте движутся светящиеся окна поезда. Гомон, суета; гармонист играет что-то шумное, беспорядочное и однообразное.

Постепенно все стихает. Несколько секунд проходит в полной темноте и тишине.

Вспыхивает свет, и мы видим мальчика, неподвижно стоящего на коленях, лицом к темному окну. Две пивные кружки на подоконнике рядом с ним. В дальнем углу так же неподвижна женщина с ребенком, закутанным в черное, на руках.

В дверях появляется голова электрика. И снова он горланит так, как будто хочет перекричать толпу:

— Все что ли горят?! Не погашу больше! (*Скрывается*).

Мальчик вздрагивает: — Как здесь холодно!

Медленно, словно с большим трудом, поднимается на ноги. При этом морщится от боли, и проведя ладонью по щеке, удивленно смотрит на растопыренные пальцы:

— Кровь?

Вдруг замечает кружки на подоконнике и радостно смеется. Высоко подняв и ударив одну о другую, залпом опустошает их.

— Пусто! (*Смеется*).

Снова ударив кружкой о кружку, извлекает из них жиденский звон.

Издаലെка нарастает шум поезда. Вбегает пятнадцатилетняя девочка:

— Я опоздала! Ты уже давно здесь? Господи, что с тобой случилось? Ты опять с ними дрался?.. Ты заболел? Скорее идем к нам домой! Мы с мамой сегодня одни. (*Тормошит его*). Идем же, идем!

Тот вяло подчиняется, точно бескостный. Уходят.

К книжному прилавку медленно приближается милиционер (*уже другой*). Женщина с ребенком поднимается и молча становится за его спиной.

Милиционер (*колотя в прилавок ногой*):

— Кажется, выспался, немой, пора вставать! Жена вот тебя дожидается (*подавляет зевок*). Ребенок (*зеваает с наслаждением, два раза подряд*).

Падает черный занавес.

1965 г., февраль

Б. Сорокин

<Надпись на рукописи:> Дарю Аркаше¹ 31/V-68 г.

Подготовлено И. Симановским и А. Кудрявцевой по рукописи из домашнего архива А. Гольденберга.

¹ Рукопись подарена Аркадию Хаимовичу Гольденбергу (р. 1948), впоследствии профессору, доктору филологических наук. В 1967–1970 годах А. Гольденберг учился на филологическом факультете МГУ, где в то время недолго учился и Б.А. Сорокин.

Сосискии П.

"Логг дег Оуфеи"

1965 e.

Сосискии.

Сосискии

21/1 - 68 e

Сосискии

В то время частыми посетителями
каши были мещане с такими профессиями
Завещание, стоящая у буфета, осматривающая.

Ружою гонимой:

- То это у меня? Мои уличные
куфай? ~~Давно~~ в шляпках, ночью
ночью так каротсе с кабаретскими не
вожделен, Куфай! ~~Тут~~ ~~но~~ ~~голова~~
~~Грустная фигура~~ ~~была~~ ~~и~~ ~~то~~ ~~то~~ ~~то~~

Ваша фигура была, наверное без
ума и счастья, ~~всего~~ ~~столь~~ ~~много~~
как вы изволили вписать
машин по газонам, молодое!

Медленно поднимаешь и буфет и гонимой
Грустная милое кафе у окна дефе-
кация особенно незаметно: смешивать
на нос и т.д. Трескиты в гонимой
франко свистит.

Мещане:

- Толмачева, 12 штук.

Трудовой (недовольно):

- Дюшину, то же?

Мещане:

- Да дюшину, если хотите.

Трудовой:

- О чем будет речь?

Будущинца:

- Да ии, говору тебе, никакай кини!

Мини:

- Бу будице шиб десо со своим
непосредственным наравлением! Я разобруе в Трои!

Будеио выходи.

Будущинца:

- А деси как же? Деси-то!

Бабесаи всея за ми.

Двое слова похоту, слова похотити кружи.
Угадаека слышотся ири ~~непосредственно~~
приветливоуея поуда.
У окна отивлетная кестурмаея. Термоко-
Тии телефониво выходи.
Девушка оеаеяе ода, еяе шизаи к теемону
оку. На полу чешовано. На подокошине зве не-
Тронюе кружи.

Бесесершо входи, мезима с ревикии,
зауаеи в кетии, маеи, на фукан и
саеи в даеишу гуеу исеи кинишо
ишавея.
Уекошое времеи тинна не нафизитоея
ири, кресе уеишмоеи одиоофизик звуков
ишоофизиео еостава.

Входи Будущинца, пережитовая деси.

- Слова тееи, де онеи, Тавошии гуа-
ки. У нас оеи ми только и поди. Таво-
самирека не виваеи пои. (Вздыкая) Тавош
и нафоду шикога не. У шико вои не
вфуи. На вольиша-то етаниша, шоди говораи,
не наити шва. Шони и вфуи.

(Тоссе вынужденности паузы) VI

- А, что я хочу сказать у тебе, смелая.
(вынужденности паузы)

- Словом, сказать у тебе хочу чего...

~~Давно не слышала.~~

~~Теперь ты слышишь?~~

Ей не отворачивай. Трескучие звуки поезда
постепенно затихают вдали и слышатся
почти тишиной.

Узнаешь, что-то чудное, бессонное и острое
описание происходящего 'портной' разговором.

* Трудно (франко):

- Давай, дай слово! смелой
фразами!

Ты, продолжая читать, выслушиваете фразу
к 'книжному' фразеологу, останавливается вдали
и колотит ~~в него~~ ногой.

Теперь:

- Услышь! Словом, услышь!

Давай! Давай, услышь! Вспомни хоть
одно! Не хочешь? Ну и черт с то-
бой!

~~Теперь к телефону с фразеологом.~~
~~Ты, не обращай внимания на фразеолога.~~

- Терпи! Терпи разговор тебе!

Ну, терпи!

Сам начинай фразеологией, ~~ты же~~

Трудно:

- Да оставь ты ее! Учи лучше

IX
Будетчина (принимая деньги):
— Спасибо уже и завтра за свое-то
милосердие:

— Да как всегда.

Будетчина:

— Доброй, помяну, и я. Все рад,
но твоя дружка всегда поспешит.

Уходи сначала милосердие, затем и
будетчина.

В доме остается только девушка, стоящая
справа к почтовой окну и пишущая
с фивенком в давнее время.

До сих пор видят, что девушка
совсем не меняет своей позы.
Медленно тинитла набухает полой
сильно фавносифинским таксом отбег-
ного табака. Сидит в них что-то
от неастья, и любовь всем.

Девушка закуривает.

Входит мальчик. Бременский, очень острый
нос, 14^{ти} или там 15^{ти} лет.

Застывает в дверях, взгляд на девушку
с откровенным, чашным восхищением.

Девушка (замечает его):

— Что тебе нужно, мальчик?

Девушка:

- У ты ей, конечно, ждешь. У тебя
здесь свидание, не так ли?

(Мальчик машет, кучко опустив голову)

- Конечно, я, все-таки, что-то начинаю
принимать. Но как повзрослел!

Ты уже, разумеется, курить?

Мальчик (поднимая голову):

- Нет, Валентина Николаевна, я не
курю!

Девушка (изумленно):

Ах! У и сразу не взрослеет?

Мальчик:

- У и сразу, Валентина Николаевна.

Девушка: ?

- Это уж точно безобразие.

Уж ка, затанцевать полюбил! Сменил!
(Мальчик затанцовывает и даже не может
прояснить)

Девушка (снисходительно):

- В первый раз так со всеми была-
ей. Тонкодуи еще раз. (Мальчик закурился)

- Вот тебе совсем мужчина!

Мальчик (уже совершенно освоившись)

- Ты все-таки здесь, у нас?

В это время

^{мрачно} Ужасно! Является чернокожий,
знаками что-то объясняет девушке.
Маше в своем выжидательном и
официальном, какой головой, жестом
руки вводит нас осмыслить.

Девушка (испуганно):

- Я здесь? Здесь на всем су-
ту? На всю ночь?! Да ты по-
нимаешь, что это верно?! Я не
хочу, слышишь! Никогда! Никогда
этого не будет!

Топает ногой, и фыркнув, ро-
няет голову на руки. Вдруг,
бросается к чернокожему:

- Скажи! Уди узнай можно
быть пойдёшь ещё какой-нибудь погу-
лять ушелко тебе. Скажи! Уди,
Ну уди же! Уфимский к окну

Тот же вытаскивает его. ~~Уфимский~~
~~Уфимский~~ ~~Уфимский~~ ~~Уфимский~~

С тоской в голосе:

Боже мой! Никогда, словно ни-
когда не будет когда-то
ему товарищу погулять без отца,
Твоего отца на колесах!

(Зеркало кутяси ~~к~~ поверну в сторону шафры)
 - Как здесь много тени... Это
 тебе нужно спать?!

Спать?!

- Валентина Николаевна! Вы не
 осядете здесь. Вы будете работать
 у нас дома. Мы в своей
 одежде. У нас много тени!

Взглянуть назад к её ногам. Ярко солнце.

Тысячи слезы Чеховской - де-
 вушка фронтовой к нему. Тает всё.

В темноте глянцевые светящиеся
 окна поезда. Солнце, света; зашито-
 ные шпалы что-то шумное, бело-
 фарфоровое и ослепляющее.

Тотемно всё снится. Некогда
 ехала фронтовой в поезде тем-
 ноте и тундре.

Вспоминать свет.

И мы будем спать, не
 понимая что-то на коленях
 слезами к темному окну.

Две темные фигуры на по-
 докончике фарга в нас.

В дальнем углу так же незаметно

на мантии, с фобиком, закутанном в
 черное, на руках.

Взгляд приближается слова Зюкты-
 ка. И слова он ~~слова~~ так, как
 фобиком.

